

18+

Юрий Меркеев

БОКС И РОК-Н-РОЛЛ

Семь правдивых историй,
рассказанных под спирт и рок-н-ролл

Юрий Меркеев
Бокс и рок-н-ролл. Семь
правдивых историй,
рассказанных под
спирт и рок-н-ролл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38977804
ISBN 9785449364609

Аннотация

Семь пронзительных историй, рассказанных от первого лица. В них нельзя не поверить, потому что это – не выдумка. Автор лишь художественно оформил.

Содержание

Генерал	5
Мудрец	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Бокс и рок-н-ролл
Семь правдивых историй,
рассказанных под
спирт и рок-н-ролл**

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2021

ISBN 978-5-4493-6460-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Генерал

Моего отца убил генерал.

Я никогда не видел этого человека, не знаю, где он живет, в каких войсках служит. Не могу сказать, жив ли сейчас. Был ли он в реальности или явился призраком больного воображения? Породила ли генерала отцовская горячая кровь или генерал все-таки был? Черт разберет. Я не знаю. Точно могу заявить только то, что генерал убил моего отца. Как это вышло? Сейчас расскажу.

Впервые я услышал о генерале, когда мне было пять лет. Мы жили с соседями в коммунальной квартире. Однажды весной вместе с запахами талого снега в открытую форточку влетело слово, и в семье все затрепыхалось, будто слово это была хищная злая птица с огромными крыльями. Оно летало в тесной квартире и разрушало все вокруг. Слово это было генерал.

Вдребезги разбилась китайская ваза, в которой стояли сухие цветы – алые розы – подарок невидимого генерала. Лепестки лежали рядом с осколками синего фарфора как пятнышки запекшейся крови. Три маминых платья были разорваны от воротничков до подолов, ножницами изрезаны дорогие блузки. Завеса семейного очага разверзлась надвое. Какие-то цветные бусы, сережки, флаконы духов – все это сметалось рукой невидимого генерала.

Потом выяснилось, что цветы маме подарили на работе, а подарки невидимого генерала когда-то из заграничных морских рейсов привозил сам отец.

И все же генерал явно присутствовал в нашей жизни – в форме болезненной ревности и сплетен.

Соседка по коммунальной квартире все видела и слышала.

– Он приходил, Валентин, когда ты был в рейсе. И приносил Райке цветы. Розы. Они стояли в вазе, которую ты... ну, в общем, все не зря. Поделом.

Тетя Клава зловеще ухмылялась.

– Ты меня знаешь, Валентин, я по-пустому не скажу. Был генерал. С лампасами на штанах и звездой на погонах. Не вру. Тыловик. Я разбираюсь.

Отец наливал водку в стакан, выпивал, наливал еще, прикуривал папиросу от папиросы и не пьянел. Только желваки вздувались на щеках и нервно бегали под натянутой кожей.

Мама молча прибиралась в комнате, а я выходил на кухню.

– Говори, – сурово обращался ко мне отец. – Знал про генерала? Он тебя трюфелями угощал? Эх, ты. С кем будешь жить, Алешка?

Я хныкал и пытался объяснить, что не видел никакого генерала. И что я буду жить с папой, мамой и белой собачкой.

– Какой еще собачкой? Ну, хорошо. Куплю тебе белую лайку, и мы уедем ко мне на родину.

Тетя Клава возилась на кухне, одобрительно кивала головой.

– Заходил, заходил, Валентин, когда ты в рейсе был. Толстый, лысый, рыжий, противный. И что твоя Райка в нем нашла? Ты красавец, кудри чернявые, глаза голубые, деньги в дом, из-за границы шмотья привозишь. Ну что еще надо-то? Не понимаю я. Мне бы годков десять. А мясо парное ты лучше ресторанного повара готовишь. Точно.

Отец успокаивался, когда его хвалили. Брал в руки топорик для разделки мяса и готовил рагу. И угощал соседку, празднуя очередное возвращение из рейса.

Тетя Клава сожительствовала с бородатым милиционером, который помогал ей вывозить на сине-желтом мотоцикле помои для выкорма свиней. Помои варились по ночам на общей кухне. Запах стоял тошнотворный. Когда тетя Клава настраивала отца на генерала, помои варились регулярно. Когда гнев на генерала проходил, раздражение отца обрушивалось на тетю Клаву. И по ночам пахло весной.

Была еще одна соседка – тетя Наташа. Она выходила на кухню редко, не участвовала в общих склоках, выкуривала тоненькие заграничные сигареты с ментолом, стояла у окна в изумрудном прозрачном ночном халатике, гасила окропленные помадой длинные окурки в серебряной пепельнице и уходила к себе в комнату, бросая на соседей безразличный взгляд. Лицо у нее было пухлое, глаза выразительные, коровьи, ресницы длинные, загнутые вверх как лапки

шмеля. По ночам из ее комнаты звучала музыка, жужжали мужские голоса.

Почему-то я не мог оторвать своего взгляда от ее изумрудного халатика, вальяжной походки, огромных соловых глаз и яркой губной помады на пухлых губах. Замечая мою растерянность, тетя Наташа поворачивалась ко мне и улыбалась.

— Кудри как отца, — говорила она и, плавно покачивая бедрами, проходила мимо меня в свою комнату. — А глаза мамы. От девчонок отбоя не будет.

Похмелье у отца было тяжелое, он подолгу отлеживался в постели. Потом каялся перед мамой.

— Хрен с ним, с этим генералом. Не верю я Клавке. Прости меня. Голова сейчас взорвется, а скоро на судно. Рай, а Рай? Сходи за пивом.

Мама прощала. После пива он оживал и уходил из дома.

В выходные дни с утра до вечера возился в гараже с машиной, приходил уставший, чумазый, веселый, и рассказывал, как ловко он приручает диких собак, живущих стаями на пустыре близ гаражного массива.

— Брошу жожаку косточку и жду. Долго жду. Час или два. Подходит, понюхает и смотрит, когда отойду. Шаг назад сделаю. Жожак вперед. Косточку в зубы и стремглав от меня. Теперь дает уши потрепать. Дрессировка.

Через месяц отец уходил в рейс, а когда возвращался, в семью приходил генерал. И снова ревность, сплетни и разрушения.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды отца не выпустили в рейс по медицинским показателям. Дали ему инвалидность.

Он пропадал в гараже среди соседей-собутыльников и собак.

Почему-то обострения болезни всегда начинались весной, и тогда генерал влетал в открытую форточку вместе с запахами талого снега и продолжал разрушать семью.

Отец умер, не дожив до семидесяти лет. Несмотря на то, что его не раз лечили в лучших республиканских психоневрологических клиниках, генерал из его испорченного сознания так и не вышел. До самой смерти.

По вечерам он любил забираться в горячую ванну прогреть косточки, а мама боялась, что он там заснет и не проснется.

– Валентин, ты не спишь? – испуганно восклицала она, стоя у двери в ванную комнату. – Не засыпай. Захлебнешься. И дверь не закрывай. Чтобы мы с Лешкой тебя смогли вытащить.

– Не мели чепухи, женщина, – раздавался густой сочный бас слегка хмельного отца. – Моряки в корыте с водой не тонут. Ну что, твой генерал? Не приходил больше? Чай, на погосте лежит. Крыса тыловая. Лешка, ты знал, что мамин генерал во время войны служил на складах? Ха-ха-ха!

– А если сердце откажет, что я-то без тебя делать буду? –

голосила мама. — Не было никогда генерала. Сам ты его придумал. Ревнивец. Всю жизнь терпела.

— Похоронишь меня на Верхнем кладбище. А тебя Алексей рядом со мной положит. Схоронишь, Алексей?

— Схороню.

Отец как в воду глядел. Однажды он залез в горячую ванну и заснул, сердце не выдержало. Мы похоронили его на Верхнем кладбище, как он хотел. Мама пережила его ровно на один год.

Была весна. Я прогуливался вдоль свежих могилок. Вспомнил почему-то генерала, который появлялся в нашей семье именно весной.

Посмотрел на могилки рядом с моими родителями. На одной из них заметил фотографию полного рыжего мужчины в генеральской форме. Усмехнулся с горечью, и устало побрел домой.

Мудрец

Доктор Сопронов был «неправильный» психотерапевт.

Во-первых, он не носил бороды, гладко брился, душился цитрусовым одеколоном, эмоционально общался с пациентами. Был начитан, обожал зарубежную литературу, знал наизусть множество стихов.

Во-вторых, вежливостью покорял младший медицинский персонал, дружил с санитарями и медсестрами. Терпеть не мог чопорности и высокомерия в профессии.

В-третьих, строил отношения с больными не как с заключенными в клетку собственного безумия, а как с друзьями, временно потерявшимися в сложном пространстве жизни. В лечении помогал пациенту самому осознать шаткость положения, утверждал его в вере в свои силы, возможности и давал надежду. Поэтому он вызывал восхищение у одних коллег и зависть у других.

Про него нельзя было сказать *свой парень*, потому что для этого он был чрезвычайно интеллигентен, что создавало своеобразную дистанцию между ним и другими людьми. И, тем не менее, он был именно *своим парнем*.

Ему было под сорок, мне двадцать два. Я работал санитаром в приемном покое, он заведовал первым женским отделением.

На работе мы пересекались редко. В основном, в прием-

ном покое во время суточных дежурств.

Как-то ночью привезли студента, который пытался покончить с собой.

Залил в общежитии кафельный пол кухни кровью, кричал, что из-за его маленького роста не может познакомиться с девушками. А девушка ему очень нужна. Исполосовал с визгом свои руки ножом, дождался скорой помощи и безвольно сдался санитарам.

Перебинтованный студент выглядел подраненным воробушком, хотя накануне истребил в общежитии столько собственной крови, что натурально походил на пьяного мясника с рынка. Теперь юноша был обескровлен и жалок.

– Я не могу, – тревожно шептал он. – Не могу я.

– Теперь подробнее. Что вы не можете?

Игорь Павлович ко всем пациентам обращался на «вы».

– Я не могу с девушками.

– Ну, вот это уже яснее, – отвечал доктор. – Позвольте спросить, почему вы не можете с девушками?

– Маленький рост. Они смеются. Я не могу. Уж лучше сразу.

– Ну, перечислять великих людей с маленьким ростом я не буду. Это займет половину ночи. И объяснять, что женщины любят не за высокий рост, тоже не буду. Так думают инфантильные мужчины. А вы, кажется, на *историческом* учитесь? Значит, с интеллектом у вас все в порядке? Знаете, что вам нужно, дорогой мой историк? Будущий док-

тор наук. Профессор, за общение с которым будут сражаться в интеллектуальных поединках красавицы-студентки. Знаете, что вам нужно?

В глазах потерянного воробушка сверкнула надежда.

– Вам нужна женщина легкого поведения.

– Это как? – изумился перебинтованный «боец».

– А это вам санитар наш расскажет, – улыбнулся Игорь Павлович, подмигивая мне одним глазом. – Пока я буду оформлять вашу историю болезни, Алексей расскажет, где в нашем городе девушки не смотрят на рост мужчины, а заглядывают только в кошельки. Алексей тоже студент. И несомненно знает больше того, что известно мне.

– Ну, – начал я издали. – Мне, конечно, кое-что известно про это, но с чужих слов.

– Да-да, продолжайте. Нам важно узнать, где и как это происходит. В теории, то есть.

– Ну, хорошо. У меня есть невеста, поэтому я...

– Алексей, – с веселым упреком упредил меня доктор. – Мы должны помочь этому бедняге, чтобы в будущем он не хватался за холодное оружие, а шел предметно по назначению туда, где что-то можно получить за деньги.

– Так вот, есть в нашем городе аллея любви, так ее называют местные жители. Это недалеко от рынка. Знаете, наверное? На лавочках там сидят девушки. Разные. Маленькие, высокие, блондинки, брюнетки. Умненькие, глупенькие. Короче говоря, на любой вкус. Приходите туда поздно вечером,

перед вами всплывает мамочка, то есть их бригадир. Платите ей деньги и уходите с понравившейся особой. Вот и все.

— Да, Алексей, весьма познавательно. Весьма. Ну, как вам, уважаемый студент? Резать себя больше не будете? Есть еще один вариант, — задумчиво прибавил Сопронов. — Научиться терпеть и ждать. Если вы настоящий интеллигент, то должны помнить Омара Хайяма? Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало. Два важных правила запомни для начала — ты лучше голодай, чем, что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало. Ну, как?

«Воробушек» плакал.

Урок прошел не зря.

Ночные дежурства с Сопроновым были для меня не только работой, но и познавательными актами. Литературу я любил не меньше доктора.

Иногда мы встречались с ним в парке «Швейцария» у книжных развалов, где можно было купить или выменять редкую книгу. На литературе мы с ним, собственно, и сошлись. Игорь Павлович *писал*. Делал иллюстрированные дневники и шутил, что он уже давно знает, что гениален, только вот никак не может понять, почему об этом до сих пор не знают другие.

В местном литературном объединении зачитывал записи с листка. Мудро, познавательно, иронично и полезно для психического здоровья. Ибо важно взглянуть на себя со сто-

роны чужими глазами.

У него была жена, трое детей и любовница из Питера. Иногда он цитировал кусочки ее посланий, смеялся тому, что она называла его «юноша», как в романе Фицджеральда «Ночь нежна». Во время прогулок по парку рассказывал мне, что весь свой личный архив хранит на даче у друга – не дай бог, в его сакральное пространство залезет жена или теща. Скорбел, что приходится прятать этот сердечный багаж. И давал мне множество полезных советов.

– Когда решитесь жениться, в первую очередь внимательно приглядитесь к теще, – с хитрым прищуром шептал он. – Примерно так будет выглядеть через некоторое время ваша жена. Если устраивает, женитесь. Если нет, уносите ноги, пока не поздно. Поверьте, это закон.

– А как же вам с этим? Повезло?

– Ну, что вы! – восклицал доктор. – Разве я стал бы прятать архив на даче у друга?

Любовницу я однажды увидел случайно. Игорь Павлович ворковал с ней на скамейке у главпочтамта солнечным весенним днем, думая, очевидно, что они закрыты плащом-невидимкой. Мне запомнилось, что девушка была молода, лицо детское, наивное, чистое, красивое. А еще на голове был повязан старомодный капот, какой, наверное, был популярен во времена Достоевского в Петербурге. Я прошел мимо, остерегаясь нарушить их романтическое таин-

ство. Мне подумалось, что в эту минуту они были очень счастливы.

Потом я женился, нарушив совет опытного психиатра по поводу тещи. Устроился работать на завод, где хорошо платили. Остыл к литературе, умным беседам, пристрастился к пиву и анекдотам в компаниях сверстников. Словом, зажил «как все».

Встретил Игоря Павловича через год в скверике у больницы. Он отпустил традиционную докторскую бородку, осунулся, как-то постарел сразу и серьезно сказал мне вместо приветствия:

– Если бы я нашел хотя бы одного по-настоящему мудрого старика, я бы оставил всех своих друзей. Поверьте!

Игорь Павлович умел говорить лапидарно. Как будто резец пророка высек на скрижали новую заповедь.

Мы не виделись долго. Около тридцати лет. Я развелся с женой, переехал жить в другой город и все время по жизни присматривался к старикам, надеясь отыскать того самого единственного мудреца. Тут Игорь Павлович был тоже прозорлив. Старики встречались все больше какие-то затравленные. Философы-алкоголики, неудачливые поэты, зурядные личности, у которых произошло эмоциональное выгорание от долгой жизни. Странно. Действительно работал какой-то закон личностного измельчания. И ни одного мудреца. Только книги, литература как-то обогащали мой ум, умудряли душу.

Когда я увидел Игоря Павловича в последний раз, он уже мало походил на себя. Это был глубокий старик. На вид – не меньше восьмидесяти. За собой он, кажется, почти не следил. Старенькое пальтишко, огромная седая спутанная борода, лукавый озорной взгляд. Он не узнал меня или сделал вид, что не узнал, хотя я первый бросился к нему с приветствиями, втайне надеясь, что в последней его заповеди мне повезет, и я встречу *хотя бы одного мудрого старика*.

Он с улыбкой кормил голубей, когда я пытался разбудить его память.

– Игорь Павлович, ну, неужели вы меня не узнаете? – восклицал я, пытаюсь проникнуть сквозь броню «маски», которая была на лице того, который когда-то живо бунтовал против подобных ликов в профессии и в человеческом общении. – Что с вами? У вас все хорошо? Помните наши беседы? Книжки, литература. Вы ж посоветовали мне найти хотя бы одного мудрого старика. Мне показалось, что я нашел. Это вы! Игорь Павлович, мудрый старик – это вы!

Мудрец перестал кормить голубей, сложил остатки хлебного мякиша в носовой платок, еще раз с улыбкой окинул меня с головы до ног и доброжелательно ответил:

– Если бы вы знали, молодой человек, что никто, кроме нас самих, не делает нас мудрецами. Разве много счастья найти мудреца? Жить нужно проще, радоваться тому, что есть. Не завидовать, не обижаться, не осуждать, не тщеславиться. Как много времени в жизни мы проводим впустую!

Тратим силы на какую-то чепуху. А счастье-то внутри нас. Печально, что эта маленькая мудрая мысль приходит тогда, когда нужно отчаливать. Ну, мне пора!

– Скажите мне хоть одно, – растерянно пробормотал я. – Вы меня вспомнили?

Старик глубоко вздохнул.

– Милый мой, вы же всех голубей распугали. Разве это так важно, помню я вас или не помню? Дело-то не в этом. Ну, прощайте, милый, прощайте. Мне еще ведь на процедуры поспеть.

– Вы продолжаете лечить? – удивился я.

– Нет, нет. Сам лечусь. Старость, милый, не всегда радость. А во многой мудрости много печали. Не ищите мудреца. Пока не поздно, живите простыми вещами. И будете счастливы. Поверьте.

И снова невидимый резец высек на скрижали «новую старую» заповедь.

Паутина

(исповедь наркомана)

Паук снова проснулся. Честное слово!

Он всегда просыпается накануне моего путешествия в сумасшедший дом. Я это изучил опытно. Шевелится на моем локтевом сгибе, ворочается крестообразной спинкой и начинает движение по венам. Я – человек расхристанный, то есть, безвольный, со слабой психикой. Единственный мой

талант – умение рисовать. Вылился он не в художественный промысел, а в татуировки. Первую татуировку я сделал себе сам. Правой рукой на левом предплечье и локтевом сгибе. Работа ювелирная. Потому и прозвище мне дали Паук. Умею плести паутинку татуированного рисунка без предварительного эскиза. Больше ничего не умею. Не умею и не хочу. Если вы думаете, что виноваты в этом наркотики, то глубоко заблуждаетесь. Наркотики пришли в мою жизнь потом – после разверзшейся передо мною бездны бессмысленности страданий. Я шагнул в эту бездну и понял, что одни страдания просто поменял на другие. А черная дыра осталась. Винить никого не хочу. Иначе можно дойти до бредятины – виноваты в моих страданиях папа с мамой, которые произвели меня на свет. Глупость. Но глупость соблазнительная для таких безвольных типов, как я. Было бы кого обвинить! А вообще, если честно, то мне на все это наплевать. Кто и почему за меня решил, что наркотики – это зло? Разве злом может быть лекарство? А для меня они лекарство, потому что я болен. Спросите, чем? Не смейтесь. Наркоманией.

Паутина – моя жизнь, а паук – это я. Колол рисунок на теле заточенной под иглу канцелярской скрепкой и замазывал черной тушью. На все ушло с полгода. Времени было много. И время тянулось как паутина. Где-то я прочитал, что если паутину растянуть в одну нить, то длина ее будет не меньше Эйфелевой башни. В Париже я не был. Но люблю Эйфелеву башню. Она мне часто снилась в тюрьме. Там же я и сделал

себе татуировку с пауком. Не только в знак тюремной масти. С помощью кропотливой работы и боли я смог преодолеть ломку. Другие сходили с ума. Я спокойно работал. Вообще, вся эта блатная романтика не по мне. Если бы не наркотики, я был бы самым обычным человеком. Но в том-то и дело, что без наркотиков я не человек. Я болен. Вероятно, заболел задолго до появления в моей жизни лекарства. Я не мистик, но однажды со мной произошел любопытный случай, который как бы утвердил меня в том, что помимо моих собственных желаний на меня воздействуют некие силы. Короче, я о том, что все в жизни не случайно.

Однажды летом меня уговорили родственники сходить в церковь исповедаться и причаститься. Я согласился. Пару дней говел – так это у них называется. Не люблю церковные словечки. Какие-то нелепые они. Говел. В общем, постился. Не курил даже. Пришел утром в церковь. Подошел к священнику. Что-то такое сказал, что водится в таких случаях. Ну, мол, ленивый я, безвольный, ничего от жизни не хочу и все в таком роде. Батюшка накрыл меня каким-то одеяльцем с золотым шитьем, что-то пробормотал, а потом сказал, чтобы я в конце службы пришел к причастию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.